

Осень вступает в свои права. В библиотеке, среди высоких деревянных стеллажей, в косых лучах послеполуденного солнца застыли длинные тени, а воздух пропитался ароматом старинной туши и пыли.

Се Сяо сидел в уединенном уголке у окна. Перед ним была раскрыта увесистая книга Чжу-цзы Юй-лэй, и он задумчиво постукивал пальцами по краю страницы, пока скрытый от чужих глаз голографический экран на запястье синхронно анализировал логическую структуру неоконфуцианства.

— Брат Се.

Раздался мягкий, учтивый голос. Се Сяо замер. Подняв глаза, он увидел своего соученика Чжао Цинъюаня. Тот происходил из почтенной семьи литераторов с юга, отличался скромностью и прилежанием, будучи одним из немногих, на кого Се Сяо обращал внимание.

В руках у Чжао была книга, а на лице — выражение искренней готовности попросить совета.

— Я не слишком сообразителен, — Чжао Цинъюань подошел ближе и осторожно положил свою книгу на край стола Се Сяо. Слегка наклонившись, он указал на строчку в тексте: — Здесь говорится о постижении вещей и достижении знаний. Мудрецы прошлого трактовали это по-разному, и я, сколько ни размышлял, все никак не могу уловить суть. Не мог бы брат Се немного просветить меня?

Его голос звучал приятно и тепло, а тон был полон искренности. Чтобы лучше видеть текст, Чжао Цинъюань невольно подался вперед, почти всем телом опираясь на край стола. Его чистые, ухоженные пальцы указывали на иероглифы, оставаясь всего в дюйме от руки Се Сяо, небрежно лежавшей на странице.

Расстояние между ними сократилось настолько, что стали видны мельчайшие следы туши на бумаге и переплетение нитей на рукавах. Се Сяо оставался невозмутимым. Его взгляд упал на место, указанное Чжао, и он уже приоткрыл губы, собираясь дать пояснение.

— Брат Се!

Звонкий, намеренно повышенный голос, словно камень, брошенный в гладь воды, резко ворвался в тишину.

Следом за этим раздался громкий хлопок — толстый том Книги гор и морей с силой опустился прямо на раскрытый учебник Се Сяо. От удара страницы даже задрожали.

Линь Янь, словно зверек, выскочивший из-под земли, бесцеремонно втиснулся в узкий промежуток между Се Сяо и Чжао Цинъюанем. Он чуть не задел подбородок Чжао своим плечом, вынудив того невольно отступить на полшага.

Полностью проигнорировав ошарашенный взгляд Чжао Цинъюаня, Линь Янь плюхнулся на свободное место рядом с Се Сяо — то самое, где только что стоял Чжао, — и прижался к бедру Се Сяо.

Он ткнул пальцем в страницу Книги гор и морей, где был изображен чудище, и нахмурился. Его голос, полный торопливой и не терпящей возражений жажды знаний, зазвучал быстро:

— Что значит эта фраза: есть зверь, похожий на обезьяну, но с белыми ушами, ходит, опираясь на передние лапы? Как он вообще выглядит? Как он передвигается? Скорее объясни мне! Умираю от любопытства!

Говоря это, он краем глаза быстро метнул взгляд на Чжао Цинъюаня. Его личико было напряжено, а щеки слегка раздуты, словно у тигренка, защищающего свою добычу.

Се Сяо, чей ответ был прерван, перевел взгляд с помятого учебника на лицо Линь Яня, которое так старательно изображало крайнюю степень нетерпения и невинности. Он на мгновение задержался на напряженном профиле и раздутых щеках юноши, затем скользнул взглядом по смущенному Чжао Цинъюаню.

Се Сяо едва заметно, бесшумно постучал пальцами по краю книги. В глубине его темных глаз промелькнул едва уловимый, ускользающий огонек. Он приоткрыл губы и, не меняя интонации, ответил прямо Линь Яню:

— Этот зверь подобен макаке, уши у него белые. Он может передвигаться, опираясь на передние лапы, а может бегать на двух ногах.

Кратко и по существу — он ответил на вопрос Линь Яня, полностью проигнорировав стоявшего рядом Чжао Цинъюаня.

Получив ответ, Линь Янь заметно расслабился и даже победно взглянул на Чжао, словно выиграл негласное сражение. Он нарочно придвинулся еще ближе к Се Сяо, почти вплотную, и указал на следующее изображение:

— А этот? Тот, что похож на быка...

Чжао Цинъюань, наблюдая за этой сценой, граничащей с дерзостью, то бледнел, то краснел. Сделав глубокий вдох и стараясь сохранить остатки достоинства, он сдержанно поклонился Се Сяо:

— Раз у брата Се дела, я спрошу в другой раз.

С этими словами он взял свою книгу и быстрым шагом покинул уголок, который стал для него источником такого унижения. В его удаляющейся спине чувствовался сдерживаемый гнев.

Проводив Чжао взглядом, Линь Янь фыркнул, отбросил Книгу гор и морей в сторону и пробормотал под нос:

— ...Тоже мне, мастер притворства.

Он совершенно забыл о своем недавнем любопытстве. Се Сяо опустил взгляд на макушку Линь Яня, которая была совсем рядом, а затем посмотрел туда, где за стеллажами скрылся Чжао Цинъюань. Его брови едва заметно дрогнули. Это был уже не первый раз.

...

В обеденное время в столовой было шумно. Се Сяо, держа в руках грубую керамическую миску, только успел сесть в уголке у окна. Он еще не успел притронуться к пустому супу, как рядом раздался осторожный голос:

— Брат Се? Здесь свободно? Можно...

Соученик с подносом не успел договорить, как мимо него вихрем пронеслась синяя тень.

— Занято! — звонко и решительно отрезал Линь Янь.

Он с грохотом поставил свой поднос на свободное место рядом с Се Сяо и тут же уселся, плотно прижавшись к его плечу. Только после этого он поднял голову, одарил ошарашенного соученика ослепительной улыбкой, показав свои маленькие клыки, и добавил совсем не любезно:

— Это мое место! Рядом с братом Се уже занято! Мной!

Вид у него был как у зверька, который пометил территорию и теперь скалитесь на любого, кто посмеет нарушить его границы. Соученик в неловкости замер с подносом, переводя взгляд с самоуверенного Линь Яня на Се Сяо, который, казалось, молчаливо одобрял происходящее. В итоге парню пришлось уйти искать другое место.

Линь Янь с довольным видом взял палочки и принялся ковырять зелень в своей миске, недовольно ворча:

— ...Вечно эти слепцы лезут куда не просят.

Он подцепил кусочек тофу, видимо, решив, что вкус слишком пресный, и без колебаний положил его в миску Се Сяо:

— На, брат Се, это тебе!

Се Сяо посмотрел на дрожащий кусочек тофу в своей миске, а затем перевел взгляд на Линь Яня. Тот с надутыми щеками уплетал еду, напоминая белку, спрятавшую орех за щеку. В глубине темных глаз Се Сяо на мгновение промелькнула едва уловимая улыбка — она была подобна ряби от камня, брошенного в глубокий омут, и исчезла так быстро, что поймать ее было невозможно.

Он ничего не сказал, просто взял палочки и съел тофу.

...

Глубокая ночь. В учебном корпусе Чжу горела лишь одна масляная лампа, отбрасывая на стены огромные пляшущие тени. За окном выл холодный ветер, швыряя крупинки снега в раму, отчего та тихо поскрипывала.

Се Сяо не спал. Он сидел на своей кровати, скрестив ноги, а на его запястье мерцал призрачно-голубой свет голографического экрана, освещая спокойный профиль.

На экране больше не было данных о социальной структуре, там красовалась защищенная паролем папка с сухим буквенно-цифровым кодом: [G-LinYan].

Внутри папки по пунктам были разложены записи:

— Модели поведения: частота тактильного контакта (тенденция к росту); действия по пресечению попыток других лиц приблизиться к объекту (добавлено: инцидент в библиотеке, инцидент в столовой); анализ пищевого поведения (предпочтение сладкого, низкая толерантность к соленому)...

— Эмоциональные проявления: порог возбуждения (высокий, легко реагирует на новизну); причины подавленности (учеба, отказ); новые аномальные эмоции: вероятная агрессия/отчуждение на почве территориального инстинкта (требует дальнейшего наблюдения)...

— Физиологические особенности: температура тела чуть выше среднего; высокая чувствительность к укусам насекомых; плохая переносимость низких температур...

— Влияние взаимодействия: аномальные колебания физиологических показателей субъекта (Се Сяо) при контакте (учащение пульса, повышение температуры кожи, гормональные изменения...); отклонения в поведенческих паттернах субъекта (повышение порога терпимости, изменение графика времени)...

Се Сяо беззвучно прокрутил данные, открывая подпункт о территориальном инстинкте.

Сильное, почти инстинктивное стремление Линь Яня отталкивать других становилось все более частым и явным. Хотя это можно было объяснить моделью исключительности дружеских связей древних людей, интенсивность и направленность этого поведения выходили за рамки нормы.

Голубой свет экрана отражался в его глубоких глазах. Странное замешательство, подобное холодному ветру за окном, проникло в его рациональный разум. Является ли это собственническое поведение признаком глубокой эмоциональной зависимости? И является ли эта зависимость для него, наблюдателя из будущего, случайной переменной или чем-то, что требует переоценки?

Как сильные эмоциональные связи между индивидами влияют на макроисследование цивилизации? Эта задача бросала вызов его привычным рамкам. Холодные символы и потоки данных на экране казались спутавшимися нитями.

В тот момент, когда Се Сяо погрузился в размышления:

— А-а!

Короткий испуганный крик прорезал тишину комнаты. Звук донесся с соседней кровати. Се Сяо мгновенно погасил экран, и комната погрузилась в полную темноту. Его острый взгляд впился в сторону Линь Яня.

Тот вскочил с постели. В темноте можно было различить лишь его судорожно вздымающуюся фигуру и тяжелое дыхание, переходящее в плач.

— Папа... мама... сестра... не надо... не ссылайте... холодно... так холодно... — бессвязный, полный страха бред срывался с губ Линь Яня, дрожащий и отчаянный.

Он бился в кошмаре, тело неконтролируемо дрожало, зубы стучали. Огромный ужас, словно ледяная волна, захлестнул его. Звуки цепей во время обыска, крики родителей, пронизывающий ветер и желтые пески на пути в ссылку — все это казалось реальностью. Холод и отчаяние обвивали его, подобно змеям.

В темноте Линь Янь, словно утопающий, хватаящийся за бревно, по инстинкту отбросил одеяло, босиком бросился к единственному источнику тепла и безопасности в комнате — к кровати Се Сяо.

Он действовал с пугающей скоростью, с той силой, которую дает только кошмар, и нырнул под одеяло к Се Сяо. Его ледяное, дрожащее тело, как у детеныша, ищущего защиты, намертво вцепилось в талию Се Сяо. Он зарылся лицом в его теплую грудь, жадно впитывая тепло.

— Холодно... так холодно... не уходи... — мольба, полная слез, доносилась от самой груди. Тело

юноши дрожало, как осенний лист на ветру.

В тот миг, когда Линь Янь вцепился в него, Се Сяо застыл, словно ледяная статуя. Теплая грудь была прижата к холодному лбу и щекам, и эта дрожь, этот отчаянный бред передавались ему. Тонкие руки, словно железные обручи, сжимали его пояс с невероятной силой.

Темнота обострила все чувства. Холодный пот юноши, его отчаянная дрожь, задавленные всхлипы и эта безграничная, полная страха зависимость накрыли Се Сяо невидимой сетью. Он инстинктивно хотел отстраниться, разорвать эту неуместную близость.

Но тело в его руках дрожало слишком сильно, а страх в его всхлипах был слишком настоящим. Ледяное прикосновение и отчаяние пропитали его одежду, просочились под кожу.

Время в темноте текло беззвучно. Ветер за окном, казалось, стал еще сильнее.

Напряженное, словно железо, тело Се Сяо под воздействием этой непрекращающейся дрожи и отчаянной привязанности с огромным трудом, по крупницам, начало расслабляться. Сжатые в кулаки пальцы медленно разжались.

В конечном итоге рука, которая должна была оттолкнуть, неловко и скованно поднялась.

С несвойственной ему нерешительностью и неуклюжестью он медленно, очень медленно опустил ладонь на тонкую, слегка согнутую от страха спину Линь Яня.

Раз, другой.

Движения были жесткими, словно он похлопывал по куску дерева. Но холод и дрожь, передававшиеся через ладонь, странным образом обожгли его пальцы.

<http://bllate.org/book/19996/1971898>